

**Несколько предварительных замечаний о социокультурной значимости
читательских писем к литераторам
(По архивным материалам Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого)**

Исследования истории чтения и восприятия литературы в России XIX века, посвященные конкретным свидетельствам читательского восприятия, довольно ограничены, особенно когда они основываются на эпистолярном материале. Это обуславливается не только трудностью в обнаружении источников, но также и склонностью не придавать письмам простых читателей научной значимости. Возникает ряд вопросов, в том числе и методологических. Какую пользу приносят читательские письма историку и теоретику литературы и культуры? Может ли такого рода источник способствовать восстановлению общей картины восприятия художественных произведений и читательских практик разных социальных слоев? С одной стороны, содержание таких писем редко дает возможность полностью осмыслить все физиологические, мыслительные и эмоциональные элементы, участвующие в процессе чтения; с другой стороны, читательские письма являются частью такой сложной и еще не выложенной мозаики, какую представляет собой история чтения в России второй половины XIX века.¹

Разумеется, не все писатели получали письма от своих читателей. Стало быть, письма можно рассматривать как более или менее сознательный ответ как на мотивы, так и на языковые и композиционные приемы, характерные для определенных авторов в определенных исторические эпохи. Письма читателей представляют собой своеобразную реакцию на механизмы построения текста; более того, они могут влиять на творческий процесс писателя, использовавшего их как живой материал для создания имплицитного читателя своих произведений. Из этого следует что, даже оставаясь безответными, эти письма сами по себе отражают диалог, проходящий между читателем и писателем, и представляют ценную информацию о «горизонте ожидания» специфических категорий публики, а также о разнице между образом читателя, заложенного в тексте, и реальным читателем.

Так называемый “fan mail” (письма поклонников) – явление, тесно связанное с развитием понятий «писательства» и «публики». Недаром в России оно распространилось лишь в начале 1870-х годов, значительно поздно по сравнению с другими европейскими странами. Известно, что уже в конце XVIII века во Франции роман Ж-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» (1761) порождал эмоциональные бури среди читателей, вызывая их отклики.² В 1830-е и 1840-е годы Э. Сю и О. Бальзак стали кумирами французских читателей, требующих от них углубления в актуальные проблемы, как социальные так и индивидуальные.³ В 1850-е годы в Англии Ч. Диккенс стал одним из первых прудуктов массовой культуры: он непрерывно получал письма от незнакомых людей и его имя привлекало толпы слушателей на публичные чтения.⁴ В России образ литератора начал приобретать новые черты в эпоху Великих реформ, когда сложилось новое понимание

¹ Главными исследованиями этого периода остаются до сих пор Brooks 2003 и Рейтблат 2009. См. также Rebecchini, Vassena 2014.

² См. Darnton 1984.

³ См. Lyon-Caen 2006.

⁴ Dickens 2012, р. XVIII. О публичных выступлениях Диккенса см. Ferguson 2001. О «публичности» Диккенса см. John 2010; Outon 2017.

общественной жизни, главным признаком которой стала “публичность”.⁵ Новое социальное устройство глубоко влияло и на отношения между обществом и литературой. Появились благотворительные общества, такие как Литературный фонд, возникший по образцу английского Королевского литературного фонда (Royal Literary Fund) с целью оказывать материальную помощь литераторам; проходили музыкальные утренники, любительские спектакли, а также публичные чтения, где известные литераторы выступали на сцене перед большой публикой, с которой за это взималась плата; устраивались литературные диспуты и публичные лекции в университетах и в городских залах. Литературная деятельность постепенно подстраивалась под законы издательского рынка, а чтение перестало быть привилегией немногих. Расстояние между литератором и читателем уменьшилось, вплоть до того, что читатель начал считать себя вправе обращаться прямо к литератору, ставить перед ним вопросы и высказывать сомнения, вытекавшие из собственного жизненного опыта и обнажавшиеся при чтении его произведений.

В настоящей статье в качестве примера будут рассмотрены письма читателей к Ф.М. Достоевскому и Л.Н. Толстому. Хорошо известно, что оба писателя получали множество писем от совсем незнакомых людей: о них они упоминали в статьях и в корреспонденции, иногда выражая свое изумление по поводу общего доверия к их «всемогущности», в котором даже они не могли дать себе отчет. На основе опубликованных или еще неизданных материалов, можно выделить несколько типологий писем, общих для Достоевского и Толстого: письма-отклики на литературные произведения и на затронутые в них общественные вопросы, письма-исповеди, ругательные письма, просительные письма.⁶

Письма читателей к Достоевскому и Толстому удостоились вниманием исследователей преимущественно как часть архивного наследия этих писателей. В редких случаях они были исследованы как феномен, обладающий специфическим культурным значением. В настоящей работе будут рассматриваться просительные письма, самая «пренебрегаемая» из названных типологий писем.⁷ Такой выбор оправдывается социокультурным значением данного явления, не имеющего аналогов по своему масштабу в русском литературном контексте конца XIX-начала XX века и отчасти обусловленного некоторыми доминирующими мотивами творчества Достоевского и Толстого, как художественного, так и публицистического.⁸

Использование просительных писем в качестве предмета, достойного научного исследования, имеет разные причины. Во первых, просительные письма свидетельствуют о развитии общественного и экономического статуса литературной профессии в России последней четверти XIX и начала XX веков. Литераторы воспринимаются читателями как публичные персоны, которые, в силу не только своего морального авторитета, но и своего настоящего или предполагаемого благосостояния, призваны оказывать помощь нуждающимся. Во вторых, в просительных письмах можно выделить черты своеобразного

⁵ О “публичности” в эпоху Великих реформ см. Lovell 2013. См. также Вассена 2013.

⁶ Среди крупнейших публикаций читательской корреспонденции см. о Достоевском ряд публикаций в сборниках «Достоевский. Материалы и исследования» и ряд статей русского исследователя И.Л. Волгина; о Толстом см. Жданов 1939, Буслаев 1940 и ряд публикаций русской исследовательницы В.З. Горной. См. также Волгин 1982; Vassena 2007; Горная 1984.

⁷ См. например Буслаев 1940. С. 4

⁸ Пока нами не обнаружались случаи, сравнимые с случаями Достоевского и Толстого в русском литературном контексте второй половины XIX века. Единственный другой писатель, к которому в то время обращались за материальной помощью – это Н.А. Некрасов, в связи с его ролью в Комитете Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд) (см. Описание писем к Некрасову в бумагах Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым // Литературное наследство. Т. 51/52. Н.А. Некрасов. II. Москва, изд-во АН СССР, 1949. С. 623-626).

«риторического канона», вплоть до того, что возможно обрисовать «портрет» типичного автора таких писем. Доказательством того, что жанр просительного письма к литератору не является прерогативой России, служит изложение характерного для него стиля, составленное Ч. Диккенсом в 1850 году: иступленная настойчивость, характерный багаж доводов, оправдывающих просьбу, абсурдность, в некоторых случаях, самой просьбы, ложно высокопарный стиль, где литературные цитаты сосуществуют с грамматическими ошибками, показная скромность и, затем, возрастающая дерзость в предъявлении все более претенциозных требований, гнев и угрозы, следующие за отказом.⁹ Подобным образом, обращаясь к Достоевскому и Толстому, современные им читатели прибегают к особым формулам «*captatio benevolentiae*» и «*peroratio*», чередуют язык униженной просьбы с почтительным тоном, намекают на страшные последствия в случае отказа, стратегически употребляют цитаты из их или же чужих литературных произведений, сравнивают их с другими писателями. Просительные письма можно исследовать в рамках теорий школы критики читательских реакций (Reader-Response Criticism), так как они представляют собой своего рода отклик читателей на определенный образ писателя, сложившийся при чтении его произведений в зависимости от социокультурной ситуации. Читатели Достоевского просят, настаивая на чувстве сострадания к униженным и оскорбленным, пронизывающем его романы, в то время как читатели Толстого мотивируют свои просьбы тем идеалом «опрощения», проповедуемым писателем, начиная с 1880-х годов. Случай позднего Толстого в частности позволяет размышлять о механизмах тогда только зарождающейся массовой культуры, так как многие просьбы к нему основывались на образе, сложившемся не при прямом чтении его художественных произведений или статей, а при соприкосновении с другими материалами о нем, как например статьями, интервью, биографическими очерками, карикатурами, портретами, слухами, и т.д. В последнем счете, ценность просительных писем лежит в их социологическом значении, так как они являются ярким свидетельством социальных и культурных условий того времени, вкусов русской публики в зависимости от пола, возраста, географического и социального происхождения читателей, практик чтения, и т.д.

Среди пятисот писем к Достоевскому, дошедших до нас, к категории просительных писем можно причислить несколько десятков.¹⁰ Все они относятся к концу семидесятых-началу восьмидесятых годов, к периоду наибольшей популярности Достоевского как автора «Дневника писателя» и «Братьев Карамазовых». Что касается Толстого, то, по располагаемым нами данным, можно утверждать, что такие письма стали приходить к нему начиная с 1880 года, но только в последний период его жизни количество просительных писем достигло невероятных размеров.¹¹

Насчет пола, возраста, сословия и географического происхождения авторов писем, возможно привести лишь некоторые предварительные соображения. На первый взгляд, к Достоевскому и Толстому обращаются за материальной помощью без различия мужчины и женщины, отцы и матери, молодые и взрослые, студенты, начинающие литераторы, чиновники, военные, крестьяне, заключенные. Достоевскому пишут преимущественно из Петербурга, а Толстому пишут из всей России и из-за границы. Авторами писем к Толстому часто являются русские эмигранты, находящиеся за границей без средств на существование, а иногда даже иностранцы, проживающие в России.

⁹ Dickens 1996.

¹⁰ См. Нечаева 1957.

¹¹ Маковицкий 1979–1981, Кн. 1. С. 190. О просительных письмах к Толстому и о его отношении к просителям см. также Гусев 1973, С. 78; Сергеенко 1978, С. 201–206. Уже в статье “Так что же нам делать?” (1885) Толстой писал о том, как он получал “более сотни” писем с просьбами о материальной помощи (Толстой 1928-1958, Т. 25, С. 220).

Что просят читатели и для чего? Что касается первого вопроса, то следует отличать Достоевского от Толстого. Прощения к первому редко превышают несколько десятков рублей, нужных для случайных расходов (например на дорогу, или на поступление в какие-либо учебные заведения, или на временное содержание семьи). Большинство обращается к Достоевскому за содействием в поиске работы: как правило, это либо начинающие литераторы, либо студенты, ищущие уроки, переводы, редакционные занятия. На вершине его карьеры Достоевский воспринимается как писатель не богатый, но тем не менее в связях с влиятельными людьми, к чему наверно подвела популярность, им достигнутая благодаря «Дневнику писателя». С «графом» Толстым дело обстоит несколько иначе. Его корреспонденты несравнимо требовательнее, нежели читатели Достоевского. Реальное экономическое положение Толстого и искренность его позиций являются теми двумя важными моментами, на которые опираются просительные письма. Читатель Толстого не просит, он требует; не скупится на намеки по поводу благосостояния писателя, и в то же время цитирует целые отрывки из его произведений и из Евангелия, ссылаясь на его идеи о братстве и любви к ближнему, открыто бросая ему вызов и призывая доказать, как они находят отражение в реальной жизни, доводя это до эскалации, которая иногда принимает довольно враждебный и угрожающий тон. Читатели Толстого просят то двести, то триста, то даже десять тысяч рублей, для самых разнообразных целей: кто на приобретение лошади, велосипеда или швейной машинки, кто на постройку дома или даже храма, кто на получение образования или на отдых от бедной жизни, кто на совсем уж нелепые цели, как например приобретение фехтовального прибора. Другие же предлагают определить сумму самому Толстому, пропорционально деньгам в его распоряжении, при условии их справедливого разделения: «Количество их я не могу назначить, потому что не знаю, сколькими Вы располагаете: если 5 ю руб., то Вы мне дадите 2 р. 50 к., если 100ми, дадите 50 р.»¹² Не редко читатели Толстого прилагали к письмам документы, доказывающие их нищету, а иногда даже вексели, которые Толстому оставалось только заполнить и отправить обратно. Бывали случаи, когда читатели не указывали требуемую сумму, ограничиваясь просьбой «несколько слов беззастенчивой правды»¹³ или, как выразился один читатель Толстого, «рецепты его кваса для поправки семейной нужды».¹⁴

Не менее разнообразными являются способы, указанные читателями для возврата одолженных денег: одни обещают вернуть их при первом удобном случае, вторые указывают конкретный срок, а третьи предлагают ежемесячный взнос при получении зарплаты или стипендии. Иные не указывают срок возврата денег, зато обещают в обмен что-то другое, как например один читатель Толстого, который за одолжение денег на постройку дома на Кавказе, обещал посылать писателю «персики и орехи».¹⁵

Но оставим эти курьезности и перейдем теперь к стилистическим особенностям просительных писем. Прежде всего, поражает разнообразность выражений, используемых читателями для обращения к адресатам. Для читателей Достоевского характерны библейские образы, такие как «Вы, как Иисус Христос, любите детей»¹⁶ или «Жду от Вас

¹² Письмо В. В. Берга к Л.Н. Толстому от 7 июня 1907 г. из Москвы. Отдел рукописей Государственного Музея Л.Н. Толстого, Москва (ОР ГМТ). Ф. 1. № 44611.

¹³ Письмо С.К. Говорова к Ф.М. Достоевскому от марта-апреля 1877 г. из Санкт-Петербурга. Отдел рукописей Института Русской Литературы и Искусства, Санкт-Петербург (ОР ИРЛИ. Ф. 100. № 29678). Частично опубликовано: Достоевский 1972-1990, Т. 29/2: С. 317.

¹⁴ Письмо И. Алфутова к Л.Н. Толстому от 5 февраля 1891 г. из Темрюка (ОР ГМТ. Ф. 1. № 132/21).

¹⁵ Письмо Г. Ансонеса к Л.Н. Толстому от 18 июня 1906 г., без указания места происхождения (ОР ГМТ. Ф. 1. № 133/6а).

¹⁶ Письмо В.А. Фаусека к Ф.М. Достоевскому от 30 октября 1876 из Санкт-Петербурга (Вассена 2005, С. 332).

одолжения, как милости от Господа».¹⁷ Читатели же Толстого прибегают к более изысканным метафорам. Некоторые метафоры относятся к лексико-семантическим полям «земля» и «труд» (например «Последняя соломинка», «Сеятель просвещения добрых дел», «честный труженик», «великий пахарь земли русской»). Иные метафоры подчеркивают общечеловеческую и пророческую значимость учения Толстого: например, «Мировой учитель», «Сын человеческий», «Яснополянский прорицатель», «Друг человечества и идеи», «Борец за человечество», и т.д.

Также представляет интерес вступление просительных писем. Авторы писем сразу стараются сдержать возмущение знаменитых адресатов, с одной стороны каюсь перед ними за свою дерзость, а с другой – давая целый ряд объяснений, которые бы оправдали их просьбу. Читатели Достоевского называют свой поступок «смелым и оригинальным»¹⁸ или «курьезным способом отыскания работы»¹⁹; некоторые пишут, что они «краснеют от стыда»²⁰, а другие называют решение написать литератору «глупостью»²¹, которую надо скрыть от родных. В письмах корреспондентов Толстого находятся подобные же выражения, хотя в меньшем количестве: «Я уже несколько раз за последнее время собирался обратиться к Вам, но меня удерживало что-то такое, что как видно было сильнее всего того, что побуждало меня обратиться к Вам, но в конце концов... Я оказался побежденным и я пишу».²² Одна двадцатилетняя девушка, желающая поступить на высшие женские курсы, пишет Толстому: «Вам вероятно не раз приходилось получать письма странного содержания, но мое обращение к Вам принадлежит к разряду совсем необыкновенных. Будьте добры, дайте мне 500 рублей».²³ И все же, несмотря на то, что, обращаться к писателям за деньгами признано как странное, необычное явление, обращаться же *именно к Достоевскому и Толстому* представляется почти что логичным, справедливым и разумным актом. Для некоторых читателей – это осуществление интуитивного процесса, вызванного хоть и поверхностным ознакомлением с их биографией. Так и пишет Достоевскому в 1876 году один студент факультета Естественных Наук при Императорском Санкт-Петербургском университете:

Просматривая газеты, с надеждой, что найду какое-нибудь предложение кого-нибудь из добродетелей – случайно попалась мне Ваша фамилия и адрес. Много вы сами в жизни испытали – а потому можете понять и горе другого, хотя бы Вам вовсе незнакомого человека.²⁴

И подобным образом в 1895 году пишет Толстому Ю.Ю. Битовт, ставший в последствии библиографом и исследователем самого Толстого:

¹⁷ Письмо С.Д. Констант к Ф.М. Достоевскому от 16 января 1879 г. из Санкт-Петербурга (ОР ИРЛИ. Ф. 100. № 29744). С.Д. Констант была сестрой первой жены Достоевского.

¹⁸ Письмо В. Кудряшева к Ф.М. Достоевскому от 1877 г. из Санкт-Петербурга (ОР ИРЛИ. Ф. 100. № 29753).

¹⁹ Письмо А.С. Надежина к Ф.М. Достоевскому от 6 сентября 1876 г. из Санкт-Петербурга (ОР ИРЛИ. Ф. 100. № 29784).

²⁰ Письмо О.А. Левкович к Ф.М. Достоевскому от 22 марта 1879 г. из Санкт-Петербурга (ОР ИРЛИ. Ф. 100. № 29759).

²¹ Письмо А.И. Норманского к Ф.М. Достоевскому от 13 ноября 1876 г. из Санкт-Петербурга (ОР ИРЛИ. Ф. 100. № 29793. Частично опубликовано: Ланский 1971.

²² Письмо Александра («Mr. Alexander») к Л.Н. Толстому от 23 февраля 1902 г. из Лондона (ОР ГМТ. Ф. 1. № 131/10a).

²³ Письмо Е.Н. Аннибал к Л.Н. Толстому от 10 апреля 1904 г. из Ковенской губ. (ОР ГМТ. Ф. 1. № 133/1a).

²⁴ Письмо Г. Глинского к Ф.М. Достоевскому от 13 ноября 1876 из Санкт-Петербурга (Вассена 2005. С. 334).

Я только что прочел биографию Вашей светлой личности, написанную Евгением Соловьевым и изданную Павленковским и *почему-то* пришел к убеждению, что Вы во имя справедливости должны помочь мне, что Вы – баловень судьбы и миллионер на которого сыплется *Бог* - весть откуда горы счастья и довольства – должны уделить крупицу этого счастья пасынку судьбы, которому очень и очень немного нужно.²⁵

Для других, это неожиданная, моментальная мысль. Вот, что пишет Достоевскому в 1876 году гимназист В. Фаусек из Петербурга: «Я сразу взял и написал, и сразу же отправил, потому что если бы я хоть несколько отложил, то непременно раздумал бы, непременно. И все-таки я написал бы только Вам, именно Вам, Федору Михайловичу Достоевскому».²⁶ Для третьих, писать литератору – это непредотвратимое следствие влияния какой-либо почти что сверхъестественной силы, вводящей читателя в искушение, как пишет Толстому молодой русский эмигрант в 1902 г.: «Не знаю когда и почему меня осенила мысль писать к Вам, просить Вас и уже ни за что не мог я отделаться от этой мысли... Она преследовала меня по пятам [...] и не мог дальше противиться ей... Сблазн был слишком велик».²⁷

Решение написать литераторам находит оправдание в том представлении о них, сложившемся при чтении их произведений. Читатели Достоевского основываются на чувстве сострадания к ближнему, которое пронизывало его произведения: «На чем бы мог я основывать свою надежду? Я основывал ее на той доброте, на той простоте и снисходительности, которая просвечивает в каждой строчке Вашей».²⁸ Читатели Толстого представляются несколько прагматичнее, нежели читатели Достоевского. Некоторые просят, явно ссылаясь на благосостояние Толстого: «Будьте милосердны, не откажите уделить мне из Вашей сокровищницы крупицу».²⁹ Большинство просьб же основывается, с одной стороны, на извращенном понимании убеждений Толстого о несправедливости социального неравенства и о необходимости лишиться богатства, а с другой стороны, на попытке соответствовать образу идеального адресата поздних произведений Толстого. Заимствуя выражение Ю. М. Лотмана, образ аудитории, содержащийся в текстах позднего Толстого, становится для реальной аудитории некоторым нормирующим кодом.³⁰ И так, для некоторых читателей просить у Толстого денег – это попытка осуществить эту норму, сделать из нее реальное поведение. Например одна читательница обосновывает просьбу 100 рублей для поступления в акушерские и фельдшерские курсы следующим образом: «Я много читала Вашего произведения и сделалась Вашей последовательницей и задумала жить для пользы людей и помогать ближнему».³¹ Другой намекает на наставительное значение, которое приобретают поступки Толстого: «Придет время, когда я буду богат, то дайте мне пример, как поступать с просителями...».³² Убеждение читателей в наличии «общей памяти» с писателем делает их просьбы более дерзкими. Вышеупомянутая читательница продолжает: «Для Вас это ничего не стоит, для такого великого и щедрого человека».³³ Другая пишет: «Вы же человек богатый, а главное не придаете большое значение деньгам и Вам не жаль

²⁵ Письмо Ю.Ю. Битовта к Л.Н. Толстому от 28 марта 1895 г. из Москвы (ОР ГМТ. Ф. 1. № 137/29).

²⁶ Письмо В.А. Фаусека к Ф.М. Достоевскому от 15 ноября 1876 (Вассена 2005. С. 333).

²⁷ Письмо Александра («Mr. Alexander») к Л.Н. Толстому от 23 февраля 1902 г.

²⁸ Письмо В.А. Фаусека к Ф.М. Достоевскому от 15 ноября 1876 (Вассена 2005. С. 333).

²⁹ Письмо А.П. Барановской к Л.Н. Толстому от 24 октября 1901 г. из Каменца (ОР ГМТ. Ф. 1. № 134 1186).

³⁰ Лотман 2002.

³¹ Письмо Л.В. Агатоновой к Л.Н. Толстому от 14 июня 1901 г. из Владимира (ОР ГМТ. Ф. 1. № 130/376).

³² Письмо Н.Н. Бальникова к Л.Н. Толстому от 20 сентября 1903 г. из Уфы (ОР ГМТ. Ф. 1. № 134/1046).

³³ Письмо Л.В. Агатоновой к Л.Н. Толстому от 14 июня 1901 г.

бросить на доброе дело несколько сотен, а я воскресну и буду опять человеком».³⁴

Для того, чтобы их требования были выполнены, авторы просительных писем используют различные способы. Некоторые прямо грозятся убить себя. Другие, намекая на страшные последствия в случае отказа, бьют писателей их же оружием, заимствуя у них сценарии и героев их произведений. Например один студент из Петербурга, попросив у Достоевского места для одной девушки, намекает на то, что могло бы случиться с бедной девушкой «в таком омуте, как Петербург»³⁵; другой читатель из Твери, находившийся в Петербурге без каких-либо средств, пишет Достоевскому «Брожу теперь по улицам Петербурга, смотря на куколки, на которые любовался Ваш Мальчик у Христа на елке».³⁶ Другой молодой читатель, просящий у Достоевского помощи в поиске работы, ссылается на те произведения, заставляющие рассчитывать на способность автора понять чужое горе: «Один Вы можете понять мое отчаянное положение. Читая Вашего «Подростка» я заливался горькими слезами. «Мальчик на елке у Христа» породил во мне истерические припадки».³⁷

Цитаты из художественных произведений встречаются также у авторов писем к Толстому, хотя главным источником их вдохновения является его публицистика (в первую очередь «Исповедь» и «Так что же нам делать?»), или то, что о нем передается в русской прессе. Для того, чтобы достичь своей цели, читатели заимствуют у Толстого персонажей его произведений, восходящих к образцам милости и щедроты. Именно таким служит Елисей из рассказа «Два старика» в письме молодого машиниста из Харькова: «Разве Ваш герой Елисей стал от этого беднее, что помог мужику подняться на ноги?»³⁸ Наиболее цитируемым произведением является «Воскресение». Некоторые читатели ограничиваются только заимствованием метафоры воскресения, в то время как другие проявляют более изысканные экзегетические способности. Для первых характерны, например, такие выражения: «Я человек без средств и протекже, и прочитавши Ваше Воскресенье, я надеюсь, а потому и прошу Ваше Сиятельство сделайте для меня это доброе дело воскресите от мертвых».³⁹ Для вторых роман становится пробным камнем для проверки искренности его автора или поводом открыто обвинить его в непоследовательности, как, например, семнадцатилетний юноша из Тамбовской губернии, М. Е. Булатов, страдающий заиканием, который в своем третьем письме к Толстому яростно отреагировал на отказ писателя оказать ему помощь для лечения:

Я вспомнил те минуты счастья и восторга, которые испытывал во время чтения «Воскресенья», так жестоко и беспощадно обманувшего меня. Я вспомнил ту ненадорванную струю надежды, которая сильным потоком бежала во мне и не было силы заглушить ее, только горький опыт заставил прекратить ей свое существование <...> Вот только коснулось дело до Вас, на котором Вы бы могли излить и подтвердить всю правоту и справедливость своих слов, Вас нету. Где Вы? Где Ваши великие слова? [...] «Ведь только надо было найти человеку – думал Нехлюдов, смотря на несчастного, забытого всеми, изнуренного непосильной работой мальчика-подсудимого, - который наставил бы его и помог бы ему, и ничего подобного не было бы». Вот в том и дело, что не нашлось его, да их

³⁴ Письмо Е.К. Анфиловой к Л.Н. Толстому от 13 июня 1901 г. из Санкт-Петербурга (ОР ГМТ. Ф. 1. № 133/216).

³⁵ Письмо А.С. Надежина к Ф.М. Достоевскому.

³⁶ Письмо С.Ф. Калугина к Ф.М. Достоевскому от 1 марта 1876 г. из Санкт-Петербурга (ОР ИРЛИ. Ф. 100. № 29733).

³⁷ Письмо К. Новицкого к Ф.М. Достоевскому от 21 октября 1876 г. из Санкт-Петербурга (Неизданные письма к Достоевскому 1976, С. 304).

³⁸ Письмо Р. Боровака к Л.Н. Толстому от 19 августа 1903 г. из Харькова (ОР ГМТ. Ф. 1. № 138/30).

³⁹ Письмо И. Александрова к Л.Н. Толстому от 25 февраля 1902 г., без указания места происхождения (ОР ГМТ. Ф. 1. № 131/17 а).

и нету, по крайней мере, это я узнал из прожитой жизни.⁴⁰

Цитаты в просительных письмах, как из народной мудрости, так и из литературных произведений, многое говорят о читательском сознании. Литературное поприще, кажется, воспринимается читателями резкими сопоставлениями и противопоставлениями: один читатель Достоевского противопоставляет его Толстому и Гончарову, которых «он даже не воображал просить о чем-нибудь»:

Меня поразило, что среди ночной тишины, как бы свыше посланная, явилась мысль просить вас о месте. Скажут: ничего нет естественнее, вы только что прочитали «Дневник писателя», и мысль должна была перейти от сочинения к автору; но ведь я не ограничиваюсь чтением ваших произведений, и, насладившись, например, Толстым или Гончаровым, я даже не воображал просить их о чем-нибудь. Нет, как хотите, очень это странно.⁴¹

Напротив, с Достоевским ставят в один ряд Ч. Диккенса, сходного с ним, как выражается один читатель, в «простоте и снисходительности».⁴² Просители Толстого, кажется, реже прибегают к сравнениям его с другими писателями, но любопытен по своей наивности постскрипtum, который одна читательница из Тулы добавляет в конце своего просительного письма: «В случае Вам некогда этим делом заняться, передайте письмо А.П. Чехову; он такой же добрый, как и Вы».⁴³

Как воспринимали такие письма Достоевский и Толстой? Судя по их высказываниям по этому поводу, для обоих первая реакция – удивление. В письме М.А. Языкову от 14 июля 1878, попросив принять на службу одного знакомого, некое Алфимова, который обратился к нему за помощью, Достоевский изливает душу:

«Всего характернее, что они считают меня в связях со всеми, от кого зависит раздавать места. На все эти письма я должен писать отказы, потому что и десятой просьбы не могу выполнить, и все это принесло мне много тоски. Не понимаю, почему и Алфимов обратился ко мне, то есть почему и он считает меня таким всемогущим».⁴⁴

Сходным образом, в двух открытых письмах, которые Толстой разослал в редакции русских газет в 1907 и 1908 гг., он объяснял невозможность удовлетворить просьбы отказом от владения собственностью и удивлялся «недоразумению», побуждающему людей обращаться к нему за денежной помощью.⁴⁵ Именно потому, что они затрагивали болезненное для Толстого место – внешние жизненные условия, от которых он хотел совсем отстраниться -, просительные письма его приводили в волнение и заставляли невольно беспокоиться о своем публичном образе. Как в дневнике, так и в некоторых частных письмах 1907 и 1908 гг. Толстой пишет о невозможности удовлетворить просьбы, косвенно возлагая ответственность за такое недоразумение на современную ему прессу, сообщавшую неточные и искаженные сведения о нем.⁴⁶ Примером таких искажений служит публикация

⁴⁰ Письмо М. Е. Булатова к Л.Н. Толстому от 12 декабря 1900 г. из Кирсанова (Тамбовская губ.) (ОР ГМТ. Ф. 1. № 138/142).

⁴¹ Письмо А.И. Норманского к Ф.М. Достоевскому от 13 ноября 1876.

⁴² Письмо В.А. Фаусека к Ф.М. Достоевскому от 15 ноября 1876.

⁴³ Письмо А. Алексеевой к Л.Н. Толстому от 9 августа 1901 г. из Тулы (ОР ГМТ. Ф. 1. № 131/43).

⁴⁴ Достоевский 1972-1990. Т. 30/1. С. 39.

⁴⁵ Толстой 1928-1958. Т. 77. С. 199-200; Т. 78. С. 245-246.

⁴⁶ См. письмо Толстого к П.А. Сергеенко от 3 апреля 1908 г.: «2. Огромное количество писем составляет для меня большую тяжесть тем, что и совестно и больно не отвечать, а вместе и отвечать на все письма нет никакой возможности. Большая часть этих писем — просительные, которые, несмотря на мое заявление о том,

одного письма Толстого, чей адресат был ошибочно указан как американский миллионер Дж. Рокфеллер (1839-1937);⁴⁷ в последующие недели, многие обращались к Толстому с просьбой сообщить адрес Рокфеллера, что и вызвало новое открытое письмо Толстого, в котором он опровергал какие бы то ни было контакты с Рокфеллером.⁴⁸

Поскольку нам известно, ни Достоевский, ни Толстой не удовлетворяли просьбы, хотя Достоевский иногда отвечал на просительные письма, а Толстой как правило не отвечал. В море корреспонденции, ежедневно приходившей в Ясную Поляну, просительные письма подвергались особой процедуре. После того, как письма были открыты и прочтены, они хранились в папках отдельно от остальных писем, и отмечались сотрудниками надписью «Просительное», а во многих случаях, самим Толстым сокращением «Б<ез> О<твета>». Тем не менее, особенно в последние три года Толстой начал писать на многих конвертах короткие заметки, которые должны были служить указанием его сотрудникам для ответов. Будучи предназначенными для ближайших сотрудников, эти записи избегают конвенций эпистолярного жанра и раскрывают без всяких фильтров истинные чувства Толстого: от нейтральных «Не могу», «Написать, что не имею средс<тв>», «Послать отказ», до наиболее сострадательных «Сожалею, что не могу исполнить жел<ания>», «Не может. Трогательно», до передающих определенное раздражение «Написать, чтоб оста<вил> в пок<ое>».

Если с внешней точки зрения реакции Достоевского и Толстого одинаковы, то побудительные мотивы их отказа существенно отличаются. У Достоевского отказ обуславливался в первую очередь фактическим отсутствием больших средств. Одной читательнице, попросившей у него денег, он объяснил, что «он живет только на трудовые деньги»⁴⁹; на что она ответила «Вы пишете, что просимая мною ссуда велика для Вас, но повторяю я ничего этого не знала, не сознавала, не знала ничего больше того, что Вы г. Достоевский, известный русский писатель».⁵⁰ С Толстым дело обстоит иначе. Для Толстого раздавать деньги бедным – фарисейский акт, приносящий больше вреда, чем пользы, во-первых потому, что это не удовлетворяет реальную нужду просящего; во-вторых потому, что нет возможности проверить, кто нуждается по-настоящему, а кто притворяется; в-третьих потому, что деньги, которые богатые раздают бедным, заработаны, приведя в рабство других бедных.

Проведенные предварительные замечания подводят к углубленному обсуждению ряда вопросов, чрезвычайно важных для трактовки будущей, еще не написанной, истории чтения в России: социальное, экономическое и культурное развитие писательского статуса, мыслительные и эмоциональные процессы, закладывающие формирование определенного образа писателя в представлении публики, а также конкретные механизмы взаимоотношений литературного адресанта и адресата, и в частности проблема совпадения или несовпадения их кодов.

что я не могу помогать денежно, приходят всё в большем и большем количестве, — в таком количестве, что я, примерно, прикидывал minimum 500 р. в день. По крайней мере $\frac{3}{4}$ — на продолжение образования, с тем чтобы быть полезным народу. З. Смесь. А смесь это то, что сведения, сообщаемые в газетах, — самые не только неверные и преувеличенные, но часто не имеющие никаких оснований, и даже на те из них, которые доходят до него, Лев Николаевич не в состоянии и не желает отвечать, восстанавливать справедливость факта». Толстой 1928-1958. Т. 78. С. 114.

⁴⁷ См. Письмо Толстого к Рокфеллеру // Вечерняя заря. 2 октября 1907; Ответ Толстого миллионеру // Русское слово. 2 октября 1907.

⁴⁸ Тем не менее, открытое письмо не было отправлено (Толстой 1928-1958. Т. 77, 243).

⁴⁹ Достоевский 1972-1990. Т. 30/1. С. 406.

⁵⁰ Письмо О.А. Левкович к Ф.М. Достоевскому от 22 марта 1879 (ОР ИРЛИ. Ф. 100. № 29759). Удивленный ответ читательницы тоже представляет интерес, так как он говорит нам о восприятии литературной деятельности в 1880-е годы как некоего высшего призвания, имеющего мало общего с материальными сторонами жизни. В 1900-е годы читатели Толстого будут иметь совсем другое представление.

Список литературы

- Буслаев 1940 Корреспонденты Л.Н. Толстого. Сост. Ф. В. Буслаев. Под ред. Н. Н. Гусева. Москва: Соцэргиз, 1940
- Вассена 2005 Вассена Р. «Вы не можете не сочувствовать нас, бедных студентов...». Письма студентов к Достоевскому // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 17. Санкт-Петербург: Наука, 2005, С. 325-345
- Вассена 2013 Вассена Р. Санкт-Петербург как общественное зрелище в мемуарном дискурсе об эпохе Великих реформ // *Avtobiografija. Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture*, N. 2, 2013, pp. 63-72
- Волгин 1982 Волгин И.Л. Достоевский – журналист («Дневник писателя» и русская общественность): Пособие к спецкурсу. Москва: Изд-во Московского университета, 1982
- Горная 1979 Горная В.З. Мир читает «Анну Каренину». Москва: Книга, 1979
- Гусев 1973 Гусев Н. Н. Два года с Толстым. Москва: Художественная литература, 1973
- Достоевский 1972-1990 Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 тт. Ленинград: Наука, 1972-1990
- Жданов 1939 Жданов, В. А. Из писем к Толстому (по материалам толстовского архива) // Литературное наследство. № 37–38. Москва: Наука, 1939. С. 369–396
- Ланский 1971 Ланский Л. Утраченные письма Достоевского // Вопросы литературы, № 11, 1971, С. 196-222
- Лотман 2002 Лотман, Ю.М. Текст и структура аудитории // Его же. История и типология русской культуры. Санкт-Петербург: Искусство, 2002, С. 169-173
- Маковицкий 1979-1981 Маковицкий Д. П. У Толстого. 1904–1910. Яснополяние записки // Литературное наследство. Т. 90. Москва: Наука, 1979-1981
- Неизданные письма к Достоевскому 1976 Неизданные письма к Достоевскому // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 2. Ленинград: Наука, 1976, С. 297-322
- Нечаева 1957 Описание рукописей Ф.М. Достоевского. Под ред. В.С. Нечаевой. Москва: Изд-во АН СССР, 1957
- Рейтблат 2009 Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. Москва: Новое Литературное Обозрение, 2009

- Сергеенко 1978 Сергеенко А. П. Рассказы о Л. Н. Толстом: Из воспоминаний. Москва: Советский писатель, 1978
- Толстой 1928-1958 Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 тт. Москва: Государственное издательство русской литературы, 1928-1958
- Brooks 2003 Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861-1917. Evanston: Northwestern University Press, 2003
- Darnton 1984 Darnton, R. The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History. New York: Basic Books, 1984
- Dickens 1996 Dickens C. The Begging-Letter Writer // Slater M. (ed). "The amusements of the people" and other papers: reports, essays and reviews, 1834–1851. The Dent Uniform Edition of Dickens' journalism. Columbus: Ohio State University Press, 1996. V. 2, pp. 227–234
- Dickens 2012 The Selected Letters of Charles Dickens, edited by J. Hartley. Oxford: OUP, 2012
- Ferguson 2001 Ferguson, S.L. "Dickens's Public Readings and the Victorian Author", in Studies in English Literature, 1500-1900, vol. 41, No. 4, 2011, pp. 729-749
- John 2010 John, J. Dickens and Mass Culture. New York: Oxford University Press, 2010
- Lovell 2013 Lovell S. "Glasnost' in Practice. Public Speaking in the Era of Alexander II", in Past and Present, no. 218 (2013), pp. 127–58
- Oulton 2017 Oulton, C. Dickens and the Myth of the Reader. New York and London: Routledge, 2017
- Rebecchini, Vassena 2014 Rebecchini D., Vassena R. (eds.), Reading in Russia. Practices of Reading and Literary Communication. Milano: Ledizioni, 2014
- Vassena 2007 Vassena, R. Reawakening National Identity. Dostoevskii's Diary of a Writer and Its Impact on Russian Society. Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2007